

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 930:01, 930:02
doi: 10.17223/15617793/474/12

Стратегии концептуализации исторической ответственности в контексте современных медиарепрезентаций

Даниил Александрович Аникин^{1,2}, Андрей Александрович Линченко^{3,4}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

³ Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия

⁴ Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Липецк, Россия

^{1,2} dandee@list.ru
^{3,4} AALinchenko@fa.ru

Аннотация. Анализируются теоретические модели исторической ответственности, а также исследуются особенности их применения в условиях современных медиарепрезентаций. На основе интерпретации исторической ответственности как социальной практики, складывающейся в рамках определенного сообщества и ориентированной на присвоение символического капитала, выявлены и проанализированы наиболее значимые стратегии концептуализации исторической ответственности в медиасреде, их конфликтогенные факторы и социальные риски.

Ключевые слова: историческая ответственность, медиасреда, историческая культура, медиарепрезентации, историческое сознание, практики исторической ответственности

Для цитирования: Аникин Д.А., Линченко А.А. Стратегии концептуализации исторической ответственности в контексте современных медиарепрезентаций // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 110–118. doi: 10.17223/15617793/474/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/12

Strategies for conceptualizing historical responsibility in the context of modern media representations

Daniil A. Anikin^{1,2}, Andrei A. Linchenko^{3,4}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation

³ Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation

⁴ Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk, Russian Federation

^{1,2} dandee@list.ru
^{3,4} AALinchenko@fa.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of theoretical models of historical responsibility, as well as to the study of the peculiarities of their application in the context of modern media presentations. A comparative analysis of the models of historical responsibility in modern foreign philosophy and social and humanitarian knowledge clearly indicates the dominance of the universalist and constructivist approaches in understanding historical responsibility. In the latter case, it is viewed as a social practice that develops within a certain community and is focused on appropriation or participation in the distribution of symbolic capital. Historical responsibility is a “tense” relationship of the emerging socio-cultural situation, where the discursive practices of historical responsibility (imparting guilt, identifying victims, criminals, participants, observers) turn out to be a kind of mechanism of symbolic dominance in the political space. It was shown that this state of affairs cannot escape the influence, first of all, of the media, which turn out to be an environment for the actualization and transformation of discourses of historical responsibility, the specificity of which begins to obey the logic, goals and objectives of the media. Based on the methodological ideas of P. Bourdieu's theory of symbolic struggle, as well as socio-philosophical analysis, the scientist, instrumentalist and pluralistic media strategies in relation to the discourse of historical responsibility were identified and analyzed. The main criterion for highlighting these media strategies was the role of the professional community of history researchers. Each of them was presented in the context of opportunities and risks. It was revealed that in the modern symbolic space there is a contamination of these strategies, as a result of which various subjects of historical

responsibility not only contribute to the fragmentation of space, but create potentially conflict-prone clusters. In the context of the works of A. Rigney, A. Erll, M. Rothberg, L. Bond, R. Crownshaw, it was shown that the situation of contamination of media strategies is especially noticeable in the context of new transcultural and cross-border ways of collective memory dynamics, when the familiar images of the victim, the criminal, the participant and observer find themselves in new interpretative contexts of the host culture, the historical politics of the host society and the dynamics of its transgenerational values.

Keywords: historical responsibility, media environment, historical culture, media presentations, historical consciousness, practices of historical responsibility

For citation: Anikin, D.A. & Linchenko, A.A. (2022) Strategies for conceptualizing historical responsibility in the context of modern media representations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 110–118. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/12

Споры о прошлом давно уже перестали быть прерогативой только исторической науки. В процессы переосмысления и переоценки событий прошлого сегодня активно вмешиваются политики, корпорации, институты культуры и искусства, рядовые граждане. Однако не будет преувеличением утверждать, что наибольшее воздействие на дискурс исторической ответственности оказывает именно медиасреда. Более того, медиасреда сегодня является не только одним из посредников дискурсивного пространства переосмысления исторических событий, но и выступает своеобразной рамкой для всех остальных акторов культурной памяти и субъектов исторического сознания. В условиях складывающегося сегодня агонического типа коллективных воспоминаний [1] функция медиа в отношении дискурса исторической ответственности еще более будет усиливаться. И эта функция будет связана не только с познавательными, сколько с ценностными аспектами обращения к прошлому.

Отмеченная выше сложность складывающегося нового дискурса исторической ответственности связана с подвижностью самих ценностных сред и их носителей – сообществ памяти. Медиа в такой ситуации как раз оказываются важным инструментом демаркации данных динамических ценностных сред. Как известно, обращение к любой форме социальной ответственности предполагает субъекта ответственности, объект ответственности и определенную инстанцию, которая организует иерархию форм и способов ответственного поведения. Со времени окончания Второй мировой войны в научном дискурсе предлагались различные теоретические модели исторической ответственности, каждая из которых предполагала свое понимание субъекта, объекта и соответствующей инстанции. Насколько актуальными являются эти модели в современной ситуации, когда медиасреда оказывается способной изменять не только формы, но и содержание дискурсивных практик исторической ответственности? Какие стратегии концептуализации исторической ответственности в контексте современных медиарепрезентаций могут быть выделены сегодня? Насколько высоким является их конфликтогенный потенциал и каковы базовые риски их реализации? Этим вопросам будет посвящена данная статья.

Не будет преувеличением утверждать, что медиафилософия до сих пор не разобралась с вопросом о

том, «что есть медиа?». Ответы специалистов на этот вопрос разнятся и даже радикально отличаются друг от друга. В зарубежных и отечественных работах подчеркивается, что в современных *memory studies* термин «медиа» используется в узком (технология коммуникации) и широком (жанр) смыслах [2. Р. 26–27; 3. С. 178]. Узкий смысл отсылает исследователей к проблемам специфики конструирования образов в прошлом в различных средствах массовой информации (книги, фотографии, телевидение, интернет), в то время как широкий смысл указывает на специфику самих медиумов обращения к прошлому, несводимых к аббревиатуре СМИ (биографические рассказы, литература, учебники, мемуары, семейная память). Вместе с тем современная медиафилософия склонна не только различать данные смыслы, но и рассматривать медиальность как любые формы существования социального посредничества в культуре. В нашей статье мы также вслед за представителями медиафилософии будем учитывать оба аспекта медиа.

Одним из наиболее распространенных в современных исследованиях продолжает оставаться универсалистский подход к пониманию исторической ответственности. Наиболее ярко подход был выражен в теоретической позиции немецкого философа Карла Ясперса, опубликовавшего после окончания Второй мировой войны нашумевшую книгу об исторической вине немцев за преступления нацизма. Ясперс задавал вопрос о том, обязан ли каждый немец чувствовать себя виновным за эти преступления. На этот вопрос немецкий мыслитель отвечал утвердительно. Каждый немец несет прямую ответственность за то, что происходит или произошло на немецкой земле. Более того, «мы чувствуем себя соучастниками не только того, что происходит сейчас, т.е. соучастниками деяний наших современников, но мы чувствуем себя ответственными и за взаимосвязь того исторического наследия, которое мы переняли от прошлых поколений. Поэтому мы должны перенять вину отцов» [4. С. 70–71]. Тем более, что речь в этом случае идет не о преступлении, а о моральной вине. Вина немецкого народа стоит вне всяких сомнений. Но поддается ли вина очищению? Может ли человек очистить себя от вины? – спрашивает Ясперс. «Мы немцы, – говорит Ясперс, – обязаны ясно осознать свою вину и сделать выводы. К этому обязывает нас человеческое достоинство. Мы не можем быть равнодушны к тому, что

думает о нас мир, ибо мы принадлежим человечеству – мы прежде всего люди, а потому уже немцы» [4. S. 29]. Таким образом Ясперс указывает на необходимость общечеловеческой ответственности, которая, в свою очередь, предполагает и общечеловеческую память. Свою национальную вину мы можем осознать только в рамках общечеловеческой памяти и общечеловеческой ответственности. Как известно, в дальнейшем данный подход получил развитие в работах Ханны Арентс, которая указывала на идею гуманности как субстантивный базис нашей общей ответственности за все человеческие преступления как в прошлом, так и в настоящем [5]. Вина в таком случае оборачивается одним из важнейших свойств человеческого бытия, преодолевая узкие политические рамки обвинения со стороны прошлого и настоящего. Человечество может показывать себя как со стороны гуманности, так и антигуманности. В таком случае вопрос об ответственности вообще и исторической в частности оказывается проблемой для человеческой субъективности как таковой, ставя во главу угла персональное отношение к ответственности, когда человек признает себя последней инстанцией ответственности. Историческая ответственность оборачивается в таком случае онтологической заданностью, проявляемой в отдельных поступках личности.

Универсалистский подход к пониманию исторической ответственности сохраняет свое влияние и в наши дни. Это демонстрируют нам рассуждения Бернхарда Грюневальда, который замечает: «Причина нашей ответственности лежит не в объектах, а в том, что мы можем сами контролировать наше сознание ответственности и сами должны определять наши убеждения. Здесь лежит причина нашей (внутренней) свободы. Причина ответственности лежит в нашей свободе» [6. S. 100]. Это означает, что причину ответственности необходимо искать не во внешних объектах, а в человеке. Но если это так, то тогда вопрос об объекте ответственности должен быть сформулирован по-другому: за «что» или «кого» ответствен историк, человек, гражданин? Он, как, впрочем, и любой другой человек, несёт ответственность, прежде всего, за других людей, а также за сохранение жизни на земле и за ту среду, в которой он существует. Человек ответствен за всё, к чему он прикасается и за все, что его окружает. К этому можно было бы добавить, что в отличие от других людей историк ответствен также не только за настоящее и будущее, но и за прошлое, к которому он непосредственно прикасается и, о котором он повествует. Другими словами, научное познание и интерпретация прошлого являются не только когнитивной, но и аксиологической ответственностью.

По мысли Б. Грюневальда, ответственность означает, во-первых, умение человека отвечать как за свои действия, так и за своё бездействие перед тем, кого моё действие/бездействие непосредственно коснулось [6. S. 96]. А во-вторых, продолжает Грюневальд, быть ответственным означает признать тот факт, что другой имеет основания от меня что-то требовать и чего-то от меня ожидать [6. S. 100]. Этот момент в отличие

от первого имеет прямое отношение к исторической ответственности. Немецкий теоретик Б. Грюневальд, следуя И. Канту, говорит о моральном законе как фундаменте исторической ответственности: «Только через сознание этого универсального и действующего для всех закона, на который некто, кто должен проявить ответственность, в состоянии ответить, вопрос об ответственности приобретает свой смысл» [6. S. 100].

Еще более интересной выглядит аргументация канадского исследователя Ричарда Вернона, который в своей книге задается вопросом о том должны ли сегодняшние поколения платить за прошлое [7]. Контекстом его размышлений оказывается не только Холокост, но и вопросы возвращения утраченных историко-культурных ценностей, материальные компенсации коренным жителям Северной и Южной Америки и Австралии, придание особого социального статуса аборигенам и афроамериканцам в Канаде. Возможность исторической ответственности в его понимании обусловлена пятью основными аспектами: 1) права жертв исторической несправедливости продолжают существовать и за пределами их смерти, а несправедливость по отношению к ним может рассматриваться не только в персональном, но и в правовом поле, включая их потомков как правопреемников; 2) историческая несправедливость сохраняется если виновные личности (преемники), институты или государство в целом продолжают получать выгоду из совершенной несправедливости, следовательно справедливость восторжествует, если само получение выгоды будет переориентировано или прекращено; 3) национальное сообщество допустившее в свое время существование несправедливости и преступлений является протяженным во времени и таким образом наследует историческую ответственность как составной элемент идентичности; 4) обязательства исторической ответственности возникают у современников как граждан государства, виновного в тех или иных преступлениях; 5) исторические несправедливости оказываются воплощенными в современных формах социального неравенства и депривации, а люди страдают сегодня, так как нечто было сделано давно в прошлом [7. P. 13–14].

Признавая актуальность универсалистской традиции в понимании исторической ответственности, мы, тем не менее, должны задать вопрос о том, насколько сам человек как субъект деятельности и даже как личность может выступать своеобразным «венцом» практики исторической ответственности? Другими словами, можно ли наделять отдельного человека качеством инстанции в отношении культурного прошлого? И здесь мы обнаруживаем, что проанализированный нами ход мысли является не единственным способом концептуализации исторической ответственности. Например, по мысли Йорна Рюзена – известного немецкого теоретика истории, понятие историческая ответственность также предполагает обращение к сфере должного, однако основной инстанцией в данном случае оказывается сама историческая культура. Другими словами, история в современной культуре сама выполняет роль инстанции ответствен-

ности для оправдания или осуждения текущих событий. Рассматривая эпистемологический ракурс проблемы, Йорн Рюзен различает теоретическую историческую истину (историческая объективность) и практическую историческую истину (историческая ответственность). Последняя указывает на культурную функцию исторического знания, на его роль в социальной жизни [8. S. 150]. Именно поэтому ответственности историка или отдельного человека (ответственность как чувство) или иного «производителя» текстов о прошлом перед «самим собой» недостаточно. В этом смысле интересна аналогия с критикой герменевтического проекта Х.-Г. Гадамера в работах Ю. Хабермаса. По мысли Ю. Хабермаса, феноменология и герменевтика лишены критической рефлексии, они слишком доверчивы к социальному бытию. Исследователь истории в теории Гадамера, анализируя свои предрассудки, вряд ли может полностью преуспеть в данном процессе. Поле диалога всегда искажено невротическими разрывами, коллективным бессознательным, историческими мифами и идеологемами. Одному историку преодолеть все это явно не под силу, а герменевтика, уводя проблему в сторону эмпатии и жизненного мира предпонимания, оказывается некритичной и не может служить реальным основанием для саморефлексии.

Возвращаясь к идеям Й. Рюзена, отметим, что источником для исторической ответственности, по мнению немецкого теоретика, является темпоральная интерсубъективность, под которой он понимает взаимосвязь систем ценностей прошлого и настоящего. Однако реализовываться данная взаимосвязь может по-разному. Сам Й. Рюзен указывает на три наиболее значимых способа: непрерывность действия одной и той же системы ценностей, вечная актуальность универсальных этических принципов и эволюцию ценностей в аспектах дифференциации и универсализации. Принципиально важно, что говоря о темпоральной интерсубъективности, Й. Рюзен имеет в виду, в том числе, и антропологический аспект, связь между поколениями как субъектами исторической культуры.

Отталкиваясь от идей Йорна Рюзена, свою попытку концептуализации исторической ответственности предлагает Дженни Тиллманнс, которая не только сохраняет приоритет транспоколенческой динамики исторической ответственности, но и систематизирует ее первоначально в рамках шести моделей [9. P. 128]. Д. Тиллманнс особо подчеркивает философско-исторический характер ее теоретизирования об исторической ответственности. Ее основной тезис состоит в том, что мы обращаемся к идее исторической ответственности не для определения проступков наших предков, а для потребности нашей исторической идентичности (кем мы являемся) и в качестве определенной социальной практики, ориентированной, в том числе, и на реконструкцию будущих контуров конкретного сообщества (что нам делать) [10. S. 15]. Соответственно, историческая ответственность имеет прямое отношение не к прошлому, а к настоящему в контексте прошлого. И здесь акцент переносится на сами стратегии подобного отношения. Данные страте-

гии анализируются ей в контексте всех известных на сегодняшний день моделей исторической ответственности.

Первая модель исторической ответственности (*remembering the past*) фокусируется на жертвах и их страданиях. Она представлена работами В. Беньямина, М. Хоркхаймера. Призыв к мемориальной культуре в данном случае звучит как «Не забудь!». Вторая модель связывает ответственность с исторической принадлежностью и гражданством, принимая которое, человек автоматически принимает и прошлое своей новой страны. Эту позицию можно проследить по работам К. Ясперса, Ю. Хабермаса и К.-О. Апеля. Данная модель делает акцент на преступниках (*handing down the past*), указывая на особый режим ценностей для потомков преступников или тех, кто принимает гражданство этой страны. Третья модель исторической ответственности (*recounting the past*) ориентирована на ученых, стремящихся понять прошлое, когда историческая истина рассматривается как ценность исторической ответственности. Данная модель стремится рассматривать вопросы исторической ответственности как вопросы ее значимости для актуальной практики. Вопрос в таком случае оказывается за пределами простого обвинения или оправдания, поскольку задачей исторической ответственности оказывается придание прошлому актуальности с целью актуальной повестки настоящего (П. Рикёр, Й. Рюзен, В. Моммзен, С. Фридлэндер). Четвертая модель (*questioning the question about the past*) связывается с именем Жака Дерриды и трактует историческую ответственность как осознание нашей неспособности понять историчность как тотальность, равно как и совокупность исторических фрагментов и отдельных деталей. Ограниченность нашего исторического знания в таком случае и есть наша историческая ответственность. Пятая модель исторической ответственности (*unifying the past*) является следствием идеи гуманности, что превращает историческую ответственность, по мнению Х. Арндт, в ответственность за все совершенные человечеством преступления в прошлом и в будущем. Историческая этика в таком случае оказывается этикой универсального исторического соучастия. Шестая модель (*contextualizing the past*) направлена на тех, кто в силу разных причин игнорирует историческую справедливость. Подчеркивая факт исторической со-ответственности, отмечается, что акты несправедливости в прошлом не осуществлялись в вакууме. Соответственно, объектом исторической ответственности является не столько вина, сколько вовлеченность в сам процесс и ситуацию несправедливости, а также отрицание самой исторической несправедливости. Не случайно Д. Тиллманнс говорит здесь о контекстуализации прошлого [9. P. 139].

В дальнейшем в своей книге она сократила их число до четырех [10]. Она постаралась развернуть исследование различных моделей исходя из четырех основных перспектив: перспективы жертвы (вспоминать о прошлом), перспективы участника (передавать прошлое), перспективы наблюдателя (рассказывать прошлое) и внутренней перспективы (задавать вопро-

сы после вопросов о прошлом) [10]. Близкими к данной трактовке являются взгляды других зарубежных исследователей – Кристофа Кюбергера и Кристофа Седмака. По их мысли, понятие «ответственность» позволяет рассматривать себя как из эпистемологической, так и моральной перспективы. При этом моральная перспектива ответственности открывается человеку лишь тогда, когда он осознает её эпистемологический контекст. Этим контекстом является человеческое самосознание, а также способность человека воспринимать как своё социальное окружение, так и оценивать свою актуальную ситуацию [11]. Возможность исторической ответственности, по мысли авторов, связана как минимум с тремя факторами – (1) автономным субъектом, который в состоянии проявить ответственность; (2) объектом, на который направлена его ответственность; (3) инстанцией, перед которой человек проявляет ответственность.

Ход мысли, представленный в работах Д. Тиллманнс, К. Кюбергера и К. Седмака, показывает, что историческая ответственность оказывается не столько прерогативой отдельного человека, сколько является продуктом социальных практик, складывающихся в рамках определенного сообщества и ориентированных на присвоение или участие в распределении символического капитала. Историческая ответственность в таком случае – это всегда «напряженное» отношение складывающейся социокультурной ситуации, где дискурсивные практики исторической ответственности (придание вины, определение жертв, преступников, участников, наблюдателей) оказываются своеобразным механизмом символического доминирования в политическом пространстве. Прошлое в таком случае вообще может выступать одним из ресурсов символической борьбы за получение привилегированных позиций в данном пространстве, точнее говоря, формирование эмоционального насыщенного отношения к определенным событиям прошлого делает возможным символическое доминирование определенного сообщества над своими конкурентами в символическом пространстве. И здесь мы обнаруживаем доминирующее влияние именно медиасреды, которая оказывается средой актуализации и трансформации дискурсов исторической ответственности, чья специфика начинает подчиняться ее логике, целям и задачам. Какие же стратегии концептуализации исторической ответственности в зависимости от медиасреды и ее репрезентаций мы могли бы выделить?

Для выделения данных стратегий принципиально важным является расширительное толкование медиа как специфических социальных акторов, реализующих в символическом пространстве собственные интересы и, в силу этого, напрямую участвующих в конкуренции за использование тех или иных образов прошлого. С точки зрения П. Бурдьё, медиасреда представляет собой одно из важнейших полей социального пространства, формирующее и участвующее в трансляции символического капитала, поскольку именно средства массовой информации позволяют придать тому или иному событию известность, которая, в свою очередь, может быть конвертирована в

другие формы социального капитала, например в политический статус или экономическую выгоду [12].

С социально-философской точки зрения также необходимо подчеркнуть, что само участие медиа в репрезентации исторической ответственности знаменует собой определенную «символическую лакуну», требующую использования медиации в качестве способа преодоления временного разрыва. В этом смысле медиатизация исторической ответственности означает превращение конкретного исторического события в определенную символическую конструкцию, используемую конкурирующими между собой сообществами в борьбе за легитимацию собственного положения или делегитимацию позиции в социальном пространстве, занимаемой оппонентами. Само формирование дискурса исторической ответственности оказывается невозможным без медиасреды, которая определяет как аудиторию данного дискурса, так и диахроническую связь между событиями прошлого и актуальными социально-политическими процессами, вызывающими к жизни эмоциональную сопричастность к травматическим образам прошлого.

Однако было бы неверным заявлять об «абсолютной» роли медиасреды в формировании дискурса исторической ответственности. Это связано с тем, что при всех своих возможностях медиасреда вряд ли может полностью игнорировать позицию государства, а также профессиональных сообществ и их ценностных сред (в первую очередь представителей исторической науки). Это означает, что при более пристальном взгляде мы имеем дело с известной дифференцированностью самой позиции медиасреды, что требует от нас обращения к основным стратегиям медиа в отношении дискурса исторической ответственности. Соответственно, отношение медиа к дискурсу исторической ответственности можно выразить в трех основных стратегиях, в качестве критерия выделения которых как раз и выступает роль профессионального сообщества:

1. Сциентистская стратегия. Медиа выступают в качестве беспристрастного транслятора дискурса исторической ответственности, предоставляя возможность определенным сообществам, позиционирующим себя в качестве субъектов подобной ответственности, публично озвучить собственную историческую повестку. В данной ситуации медиа выступают, скорее, не как участники, а как сторонние наблюдатели формирования определенного дискурса, определяя свою функцию как невмешательство в процесс прагматического оформления исторической ответственности. С точки зрения внешних признаков, подобная формулировка будет означать наличие вербальных и визуальных маркеров дистанцирования от транслируемого дискурса, что отчетливо проявляется в самом способе подачи информации, когда представители медиа стремятся лишь к репрезентации определенного феномена. Стоит отметить, что подобная стратегия, которую условно можно было назвать сциентистской, демонстрирует взвешенный подход к репрезентации исторической культуры, но ее использование обычно связано с передачей эмоционально нейтральных исторических событий, которые не яв-

ляются предметом символической конкуренции. Именно поэтому голос ученых при подобной позиции медиасреды оказывается особенно влиятельным, а их экспертные мнения в медийном пространстве выступают одними из решающих.

С теоретической точки зрения, подобная рационализация исторической ответственности может способствовать формированию широкого символического консенсуса, включающего в себя целый ряд заинтересованных акторов, готовых к диалогу с целью формирования непротиворечивых оснований для устойчивого взаимодействия, но на практике ее реализация, как правило, связано с устранением самого понятия «историческая ответственность». Сциентистская стратегия стремится отбросить эмоционально-консолидирующую роль общих воспоминаний по отношению к современному сообществу, поэтому побочным результатом ее применения является утрата исторической ответственностью ее роли в качестве основополагающего элемента коллективной идентичности. На практике такая стратегия оказывается возможной только при условии нейтралитета как своеобразной миссии и основной коммуникативной цели медиа.

Ярким примером в данном случае выступает деятельность в России телеканала «Культура», который являясь государственным телеканалом, по сути, заявляет о своей нейтральности в дискуссиях относительно прошлого, опираясь на оценки представителей профессионального исторического сообщества и деятелей культуры. В этих условиях фигуры жертвы, преступника, наблюдателей оказываются помещенными в пространство рефлексивной позиции относительно прошлого, где наибольшие права получает наблюдатель, функции которого сознательно передаются медиа представителям профессиональной среды обращения с прошлым. Однако подобную ценностную «нейтральность» вряд ли можно считать широко распространенной в современных медиа. Причиной этому является не только позиция самих медиа, но и позиция стоящего за государственными медиа государства. А это значит, что вопрос о реализации сциентистской стратегии оказывается взаимосвязан с приоритетами исторической политики.

2. Инструментальная стратегия. Медиа усиливают эмоциональный эффект от репрезентации травматического прошлого, выполняя несколько взаимосвязанных социально-политических функций – от скрепления коллективной идентичности вокруг конкретного исторического образа до обоснования символических претензий определенного политического сообщества на историческую преемственность. В рамках данной стратегии медиасреда выступает в качестве своеобразного «рупора», усиливающего эффект фиксации современного общества на отдельных аспектах прошлого, в то время как субъектами формирования дискурса исторической ответственности выступают сообщества. В данном случае следует оговориться, что сам по себе дискурс ответственности проявляется и кристаллизуется как раз в результате обработки медийной средой исходного символического сигнала.

Тем не менее медиа выступают лишь в качестве инструмента трансляции эмоционального посыла, что не исключает, однако, привлечения представителей профессионального сообщества к процессу конфигурирования коллективного прошлого. Профессиональные историки выступают в качестве важного элемента легитимации формируемого дискурса, придавая ему убедительность и правдоподобие.

В рамках инструментальной стратегии историческая ответственность может выступать в двух ипостасях – принятие или предписывание. Но, в отличие от коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, где принятие ответственности означает готовность признать экстраполировать на современное сообщество репрезентацию вины за совершенное в прошлом преступление, инструментальная стратегия предусматривает предписывание вины другому сообществу, которое выступает в качестве виновника произошедшей трагедии. По сути, вместо попытки настраивания диалога реализуется антагонистический сценарий взаимодействия социальных акторов, в ходе которого выстраиваются отношения символического неравенства между жертвой, медийно эксплуатирующей свой статус, и «преступником», который вынужден заниматься оправданием или отрицанием исторического деяния.

Разумеется, реализация данной стратегии на практике влечет за собой риск инструментализации исторической ответственности, которая превращается исключительно в способ осуществления символической конкуренции в медиaprостранстве. Отказ от профессиональных критериев при определении оснований установления исторической ответственности приводит к девальвации прошлого как такового, точнее говоря, превращает взаимодействие по поводу него в перманентный конфликт конкурирующих акторов, уподобляющийся «дурной бесконечности», если воспользоваться терминологией Г.В.Ф. Гегеля. Хорошим примером реализации этой стратегии становится «экспорт вины», осуществлявшийся в странах Восточной Европы в 1990-е гг. и явившийся результатом заимствования модели «виновник – жертва», при которой, однако, статус жертвы стал переходящим «красным знаменем», определяющим возможность аргументированно претендовать на экономические, юридические и символические блага. Показательно, что медиа в этой связи как раз выступили проводниками разворачивания нарративов жертвенности в восточноевропейских государствах.

3. Плюралистическая стратегия. Такая стратегия взаимодействия дискурса исторической ответственности и медиа подразумевает, что акторы медиа сами выступают инициаторами формулировки вопросов об ответственности, но не стоит абсолютизировать их автономность и независимость в высказываемых суждениях. Более точно было бы утверждать, что медиа включаются в существующие символические противостояния, пытаясь сыграть на них в целях собственной выгоды, например, увеличения количества просмотров (если речь идет о медиатизации в цифровой среде).

Медиаальный поворот в современной науке заключается в том, что медиа становится активными субъектами продуцирования культурных продуктов, в том числе, и воспоминаний. Подобная трансформация становится продуктом изменения самой системы создания и распределения знаний, которая приходит на смену классическому модернистскому принципу закрепления права на производство знаний за специализированной группой – учеными. Плурализация и демократизация социального порядка приводят к тому, что в социально-гуманитарных науках (в естественных – в меньшей степени) проявляется стремление к децентрализации субъектов и механизмов порождения новых эпистемологических продуктов. В сфере исторического знания данное изменение проявляется в отказе от презумпции обладания истиной сообществом профессиональных историков. Разумеется, это сообщество продолжает участвовать в производстве знаний о прошлом, но теперь оно находится в состоянии перманентной символической конкуренции с другими эпистемологическими акторами, которые участвуют в создании разнообразного исторического контента, причем нередко профессиональные историки оказываются отодвинуты на периферию общественного интереса. Оставляя в стороне многочисленные государственные и негосударственные организации, берущие на себя функцию производства и распространения исторического контента, сосредоточимся исключительно на медиа.

Медиа, особенно цифровые медиа, можно рассматривать как авторов, а не только как ретрансляторов дискурса исторической ответственности, прежде всего, потому что они переформируют исторический нарратив, придавая ему эмоциональное значение, создавая иммерсивный акт соприкосновения современного человека с его предшественником или предшественниками. Однако именно при плуралистической модели, как ни парадоксально, происходит окончательный отрыв дискурса исторической ответственности от вопросов установления объективности/необъективности исторического знания, поскольку задачей акта установления ответственности становится производство эмоционально насыщенного контента, определяющего готовность потребителя переключиться на предлагаемый ему канал коммуникации. Ярким примером в данном случае оказывается создание в социальной сети Facebook личной страницы шестилетнего Геньо Житомирского, трагически погибшего в концлагере Майданек в 1942 г. Несмотря на то, что вскоре после ее появления страница была удалена, она стала важным маркером, свидетельствующим о новых качествах цифровых медиа [2. Р. 72].

Существенным риском реализации данной модели является резкое увеличение количества акторов, участвующих в производстве и распределении дискурса ответственности, причем релятивизация самого представления о соотношении дискурса ответственности с конкретным образом прошлого приводит к увеличению количества символических конфликтов. Эти конфликты оказываются связаны с тем обстоятельством, что множественность акторов и предлага-

емых ими допустимых критериев обращения к прошлому могут не соответствовать ожиданиям других акторов, провоцируя резкий медийный резонанс, который, впрочем, достаточно быстро затухает. Фигуры жертвы, преступника, участника и даже наблюдателя событий в данном случае тривиализируются, нивелируются и превращаются в информационные ресурсы обоснования собственной персональной позиции конкретного участника медийной коммуникации. Например, можно вспомнить, как осенью 2020 г. разгорелся скандал вокруг организации гламурных фотосессий на фоне музея Зои Космодемьянской в подмосковной деревне Петрищево. Выкладываемые в сети фотографии вызвали быстрый информационный резонанс, в частности обвинения в оскорблении памяти героини Великой Отечественной войны [13]. Впрочем, отсутствие фактов использования образа самой партизанки в данных фотосессиях достаточно быстро выявило невозможность правовой перспективы раскручивания данного сюжета, а логика медиасферы привела к быстрому уходу события из информационной повестки.

Можно заметить, что каждая из предложенных стратегий обладает определенными рисками, которые связаны как с механизмами формирования дискурса исторической ответственности, так и особенностями его символического присвоения. Ошибочным было бы представлять взаимодействие указанных стратегий в хронологической проекции, связанной с постепенным размыванием границ профессионального сообщества, выступающего в качестве субъекта рационализации дискурса исторической ответственности. На самом деле мы можем наблюдать в современном символическом пространстве контаминацию указанных стратегий, в результате чего разнообразные субъекты исторической ответственности не просто способствуют фрагментации пространства, а создают потенциально конфликтные кластеры, в которых сталкиваются сциентистские отсылки к «достоверному» прошлому, инструментальное стремление превращения исторической ответственности в моральный примат политической борьбы, а также плуралистическая логика цифровой медиасреды, нацеленная на умножение и размывание бинарных оппозиций «виновник – жертва».

Особенно заметной данная контаминация стратегий оказывается в условиях новых форм динамики коллективной памяти, очень точно подмечаемой сторонниками транскультурного подхода, ориентированного на преодоление методологического национализма и рассматривающего коллективную память за пределами любых культурных и социальных границ. В случае транскультурного подхода память оказывалась подвижной, а ее элементы способны перемещаться через границы и воспроизводиться в новых контекстах. Усилиями А. Эрл, Л. Бонд, Р. Кроншоу, М. Ротберга, А. Ригни транскультурный поворот начал рассматриваться как исследовательская перспектива, как «фокус внимания, направленный на мнемонические процессы, происходящие в культурах и за их пределами» [14. Р. 12–13]. Однако явление

миграций памяти на данный момент все еще не получило однозначной теоретической интерпретации, что хорошо видно в большом числе концептов, фиксирующих данные процессы: «путешествующая память» (travelling memory), «непривязанная память» (memory unbound), «транскультурная память» (transcultural memory), «память в движении» (memory on the move), «коннективная память» (connective memory), «транснациональная память» (transnational memory), «разнонаправленная память» (multidirectional memory). Характерно, что, намечая теоретические подходы к изучению понятия «путешествующая память», А. Эрл указывает на необходимость подробного анализа носителей, медиа, содержания, практик и форм, оказывающих влияние на специфику миграций памяти. В отношении транскультурной памяти упомянутая выше немецкая исследовательница указывает следующее: «...транскультурная память относится не только к (1) таким осозанным и продуктивным связям воспоминаний, которые раньше считались отдельными, и принадлежали разным группам; в более общем плане ее можно представить как (2) перемещение мнемонических архивов через пространственные, временные и социальные, но также лингвистические и медийные границы, а также (3) смешение воспоминаний в контекстах высокой культурной сложности» [15. P. 178].

Трансграничная и транскультурная динамика коллективных воспоминаний создает принципиально новую ситуацию для понимания сложности дискурса исторической ответственности в современном мире. Это связано с тем, что локальные и национальные образы памяти интернационализируются и получают неожиданно новое прочтение в иных культурных контекстах, где фигуры жертвы, преступника, свидетеля, наблюдателя и их потомков оказываются втянуты в дискурсы исторических политик принимающих культур. В таком случае фактор времени, который являлся до настоящего времени одним из важнейших в любых рассуждениях об исторической ответственности, в данном случае нивелируется за счет нового культурного контекста, в котором и субъект, и объект, и даже инстанция исторической ответственности могут радикально измениться. Ярким примером является использование темы Холокоста как общемировоззренческой рамки для понимания инокультурных образов исторической ответственности в музейных практиках Канады. В этой связи любопытно, что канадский музей прав человека (Виннипег) практически не уделяет внимания преступлениям англо- и франкоговорящих колонистов в отношении коренного населения Америки, зато предлагает широкий выбор экспозиций, посвященных Холокосту, геноцидам в Армении, Руанде и Сребренице, а также Голо-

домору на Украине в 1932–1933 гг. Последняя экспозиция объясняется большой ролью украинского сообщества мигрантов, активно лоббирующих свою культуру памяти в современной Канаде [16. P. 576]. Не случайно в этой связи, что один из виднейших теоретиков транскультурного поворота на Западе, американский мыслитель М. Ротберг особо подчеркивает, что ситуация миграции коллективных воспоминаний, трансформации памяти миграционных обществ, соотношение различных традиций памяти о геноцидах с памятью о Холокосте в конечном счете ставят вопрос именно о новой этике памяти [17. P. 142].

Таким образом, анализ основополагающих моделей исторической ответственности в современной зарубежной философии и социально-гуманитарном знании явно свидетельствует о доминировании универсалистского и конструктивистского подходов в понимании исторической ответственности. В последнем случае она рассматривается как социальная практика, складывающаяся в рамках определенного сообщества и ориентированная на присвоение или участие в распределении символического капитала. Историческая ответственность в таком случае – это всегда «напряженное» отношение складывающейся социокультурной ситуации, где дискурсивные практики исторической ответственности (придание вины, определение жертв, преступников, участников, наблюдателей) оказываются своеобразным механизмом символического доминирования в политическом пространстве. Подобное положение дел не может избежать влияния прежде всего медиа, которые оказываются средой актуализации и трансформации дискурсов исторической ответственности, специфика которых начинает подчиняться логике, целям и задачам медиа.

Социально-философский анализ проблемы позволил нам выделить сциентистскую, инструменталистскую и плюралистическую стратегии медиа в отношении дискурса исторической ответственности. Каждая из них была представлена в контексте возможностей и рисков. Было выявлено, что в современном символическом пространстве имеет место контаминация указанных стратегий, в результате чего разнообразные субъекты исторической ответственности не просто способствуют фрагментации пространства, а создают потенциально конфликтогенные кластеры. Особенно заметной данная контаминация стратегий оказывается в условиях новых транскультурных и трансграничных способов динамики коллективной памяти, когда привычные образы жертвы, преступника, участника и наблюдателя оказываются в новых интерпретативных контекстах принимающей культуры, исторической политики принимающего общества и динамики его транспоколенческих ценностей.

Список источников

1. Bull A., Hansen H.L. On Agonistic Memory // *Memory Studies*. 2016. № 9 (4). P. 390–404.
2. Garde-Hansen J. *Media and Memory*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2011. 174 p.
3. Сафронова Ю.А. Историческая память. Введение. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.
4. Jaspers K. *Die Schuldfrage*. Heidelberg : Lambert Schneider, 1946. 106 S.
5. Арндт Х. Ответственность и суждение. М. : Изд-во Института Гайдара, 2013. 352 с.
6. Grünewald B. *Gesinnung oder Verantwortung? Über den Widerspruch der Entgegensetzung von Gesinnungs- und Verantwortungsethik // Kant als Bezugspunkt philosophischen Denkens / hrsg. Busche u. A. Schmitt. Würzburg : Königshausen u. Neumann, 2010. S. 85–100.*

7. Vernon R. Historical Redress. Must we pay for the past? London : Continuum, 2012. 177 p.
8. Rüsen J. Kann gestern besser werden? Essays zum Bedenken der Geschichte. Berlin : Kulturverlag Kadmos, 2003. 160 S.
9. Tillmanns J. Can Historical Responsibility Strengthen Contemporary Political Culture? // The American Journal of Economics and Sociology. 2009. Vol. 68, № 1. P. 127–151.
10. Tillmanns J. Was heißt historische Verantwortung? Historisches Unrecht und seine Folgen für die Gegenwart. Bielefeld : Transcript-Verlag, 2012. 354 S.
11. Kühberger C., Sedmak C. Ethik der Geschichtswissenschaft. Zur Einführung. Wien : Verlag Turia + Kant, 2008. 272 S.
12. Бурдые П. О телевидении и журналистике / пер. с фр. Т.В. Анисимовой, Ю.В. Марковой ; отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 150 с.
13. Лабутина Д. «Мы не для этого строили»: почему фото на фоне музея вызвали скандал // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2020/11/a_13360027.shtml?updated
14. Erll A. Travelling Memory // Parallax. 2011. № 17 (4). P. 4–18.
15. Erll A. Transcultural Memory // Témoin. Entente histoire et mémoire. 2014. 119. P. 178.
16. Luciuk L.Y. Searching for Place. Ukrainian Displaced Persons, Canada, and the Migration of Memory. Toronto : University of Toronto Press, 2000. 578 p.
17. Rothberg M. Multidirectional Memory in Migratory Settings: The Case of Post-Holocaust Germany // The Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales / eds. by Ch. De Cesari, A. Rigney. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2014. P. 123–147.

References

1. Bull A., Hansen H.L. On Agonistic Memory // Memory Studies. 2016. № 9(4). P. 390–404.
2. Garde-Hansen J. Media and Memory. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2011. 174 p.
3. Safronova Yu.A. Istoricheskaya pamyat. Vvedenie. SPb. : Izdatelstvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. 220 p.
4. Jaspers K. Die Schuldfrage. Heidelberg : Lambert Schneider, 1946. 106 s.
5. Arendt H. Otvetstvennost i suzhdenie. M. : Izdatelstvo instituta Gaydara, 2013. 352 s.
6. Grünewald B. Gesinnung oder Verantwortung? Über den Widersinn der Entgegensetzung von Gesinnungs- und Verantwortungsethik. // Busche u. A. Schmitt (Hrsg.). Kant als Bezugspunkt philosophischen Denkens. Würzburg : Königshausen u. Neumann, 2010. S. 85–100.
7. Vernon R. Historical Redress. Must we pay for the past? London : Continuum, 2012. 177 p.
8. Rüsen J. Kann gestern besser werden? Essays zum Bedenken der Geschichte. Berlin : Kulturverlag Kadmos, 2003. 160 S.
9. Tillmanns J. Can Historical Responsibility Strengthen Contemporary Political Culture? // The American Journal of Economics and Sociology. 2009. Vol. 68, № 1. P. 127–151.
10. Tillmanns J. Was heißt historische Verantwortung? Historisches Unrecht und seine Folgen für die Gegenwart. Bielefeld : Transcript-Verlag, 2012. 354 s.
11. Kühberger C., Sedmak C. Ethik der Geschichtswissenschaft. Zur Einführung. Wien : Verlag Turia + Kant, 2008. 272 S.
12. Burde P. O televidenii i zhurnalistike / Per. s fr. T.V. Anisimovoy i Yu.V. Markovoy ; отв. red. i predisl. N.A. Shmatko. M. : Fond nauchnyh issledovaniy «Pragmatika kultury», Institut eksperimentalnoy sociologii, 2002. 150 s.
13. Labutina D. «Мы не для этого строили»: почему фото на фоне музея вызвали скандал // Gazeta.ru. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2020/11/a_13360027.shtml?updated
14. Erll A. Travelling Memory // Parallax. 2011. № 17 (4). P. 4–18.
15. Erll A. Transcultural Memory // Témoin. Entente histoire et mémoire. 2014. 119. P. 178.
16. Luciuk L.Y. Searching for Place. Ukrainian Displaced Persons, Canada, and the Migration of Memory. Toronto : University of Toronto Press, 2000. 578 p.
17. Rothberg M. Multidirectional Memory in Migratory Settings: The Case of Post-Holocaust Germany // De Cesari Ch., Rigney A. (Eds.). The Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales. Berlin-Boston : De Gruyter, 2014. P. 123–147.

Информация об авторах:

Аникин Д.А. – канд. филос. наук, старший научный сотрудник лаборатории трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: dandee@list.ru

Линченко А.А. – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Липецкого государственного технического университета (Липецк, Россия); доцент кафедры менеджмента и общегуманитарных дисциплин Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецк, Россия). E-mail: AALinchenko@fa.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Anikin D.A., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation). E-mail: dandee@list.ru

Linchenko A.A., Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation); Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: AALinchenko@fa.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.09.2021;
одобрена после рецензирования 06.12.2021; принята к публикации 28.01.2022.

The article was submitted 28.09.2021;
approved after reviewing 06.12.2021; accepted for publication 28.01.2022.